

Независимая газ. - 1996. - 27 дек. - с. 7

ЛИХОЙ ПОЛКОВНИК

29 декабря 1896 года родился Давид Альфаро Сикейрос

Александр Мелихов

Дата

ДЕД ДАВИДА Альфаро Сикейроса, носивший почетную кличку Семь Ножей (целых семь — и это в Мексике, где трудно удивить храбростью и необузданностью!), прославился в качестве командира партизанского отряда во время англо-франко-испанской интервенции 1861—1867 годов. Войны для мексиканцев были делом привычным — одна сменялась другой, но цели их были неизменно возвышенны и справедливы. Вожди, которым удавалось уцелеть и прийти к власти, каждый раз оказывались чьими-то ставленниками — алчных помещиков или проклятых гринго — и из спасителей страждущего отечества быстро превращались в изменников и хапуг. Надежды обращались к новому вождю. На этот раз уже безупречному, но он оставался таковым лишь в случае, если превращался в национального героя, погибнув на полпути к вершине. А погибать в Мексике умели! Сам Сикейрос не раз оказывался на краю гибели, но смертный ужас всегда отступал перед самолюбием, жаждой красивого жеста.

Уже стариком Семь Ножей, навеселе возвращаясь из пулькерии (мексиканского кабака), приказывал внукам прятаться за камни, а потом палил по ним из револьвера, приучая к свисту пуль. Или запутывал до полусмерти страшными байками, а потом посылал в темный амбар. Или будил среди ночи и ставлял стоять по стойке «смирно», пока ребенок не валился с ног.

Словом, Семь Ножей стремился сделать из маленького Сикейроса «настоящего мужчину» и вполне в этом преуспел. «Меня называли лихим полковником» — первое, что он, художник, считал нужным о себе сообщить: именно такое название он дал книге своих воспоминаний.

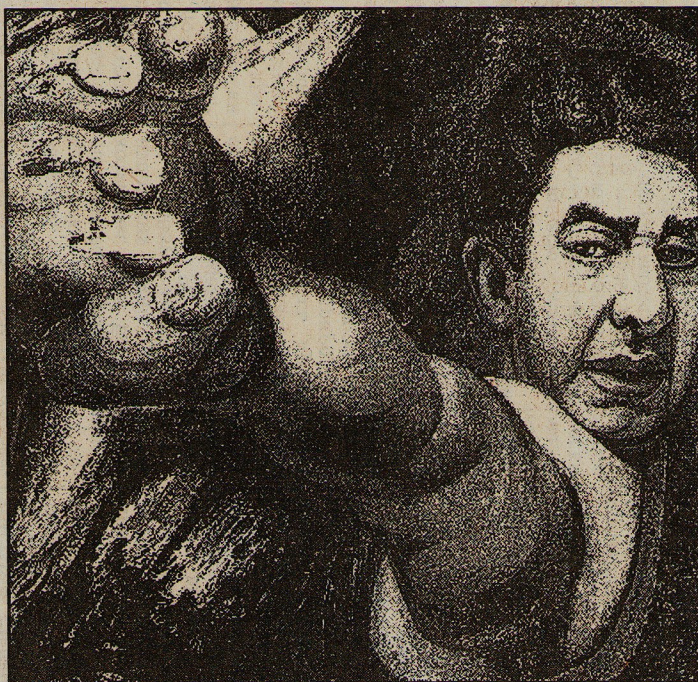
Отец Сикейроса, видный юрист, был поклонником европейского образа жизни и фанатичным католиком (в отличие от деда, закоренелого антиклерикала и богохульника). В течение месяца он выполнял сам и заставлял домашних проделывать столько религиозных процедур, сколько другому хватило бы на целую жизнь. За его столом собирались крупнейшие землевладельцы, доверявшие ему вести свои дела. Но вот однажды родной сынок, юнец, набравшийся революционного духа в школе изящных искусств, в глаза назвал его высоких гостей шайкой воров. Это случилось во время аграрно-демократической революции 1910—1917 годов. Страсти были накалены. Отец запустил в юного грубияна большим бокалом, а тот, сокрушив множество подвернувшихся под руку ценных вещей, навсегда ушел из дома. Некоторое время буквально нищенствовал и заодно с революционными фантазиями вынашивал мечту сделаться альфонсом — любовником пожилой миллионерши.

Однажды по ошибке принял участие в разгроме прогрессивной газеты лишь на том основании, что громилы были плохо одеты. Этот эпизод мог бы открыть ему глаза на то, что принцип «оборванец всегда прав» очень опасен. Однако Сикейрос продолжал следовать ему всю жизнь. Вступив в одну из революционных армий, он закончил гражданскую войну в чине капитана и был отправлен в Европу учиться одновременно живописи и военному делу. Он воевал в Испании (командовал бригадой), лично участвовал в расстреле вражеского агитатора, о чем вспоминал не без напыщенности, организовывал по-

кушение на Троцкого, а всевозможных стычек местного значения даже и не перечислить.

В одной из тюрем его навел на отца и с гордостью за сына заметил, что мужчины не изменяют своим убеждениям. Для него убеждения тоже были не делом знания, изучения, размышления, а делом чести: верность убеждениям важнее, чем верность истине. Сикейрос всю жизнь искал не истины, а победы, отдавался страсти, уходя от сомнений. Он изобретал все новые и новые способы пропаганды своих идей, не задумываясь об их ценности и глубине. Ему, как и многим другим, не приходило в голову, по какому праву он, недоучка, указывает путь всему человечеству. Марксизм-ленинизм идеально пришелся впору темпераменту Сикейроса, требовавшему не мысли, но действия: все решается не творчеством,

ком отвлеченные, мифологизированные начала — Огонь, Землю, Воду... Поэтому он перешел к началу еще более отвлеченным и мифологизированным — Социализм, Капитализм, Пролетариат, Буржуазия, Передовая идеология, Оппортунизм, Ревизионизм. «Портрет буржуазии», законченный в год вторжения Германии в Польшу, занял три стены и потолок большого зала. Это — целое пространство, заполненное разнообразными эпизодами и рассчитанное на множество точек созерцания: механизированные военные колонны, бомбардировщики с головами хищных птиц, уносящиеся ввысь башни броненосцев и... дирижер-диктатор на винтовом стрелке. Одна рука уперта в бок, другой он жеманно протягивает цветок, но у него есть и третья рука — в ней он держит нож-факал. Голова же у не-

Давид Сикейрос. Автопортрет.

не сотрудничеством, а стрельбой; мир делится на врагов и друзей; бедняки бедны оттого, что их кто-то ограбил, а не оттого, что необразованные люди, пользующиеся первобытными орудиями, остаются бедными всегда и всюду.

В Европе благодаря Диего Ривере Сикейрос познакомился с новейшими художественными течениями. Произошло, как он считал, слияние формальных открытий европейского искусства со страстным порывом мексиканских художников к искусству социальному, простому и великому, как в эпоху доколумбовых индейских цивилизаций. Простое и великое, обращенное к массам, — в этой формуле таится и сила, и слабость Сикейроса: простота, величие и общедоступность требуют отказа от всего утонченного, индивидуализированного, интимного. Сикейроса это не пугало. В одном из своих манифестов он без смущения заявил, что искусство еще в эпоху Возрождения свернуло на тропу ошибок. Для нового же «мексиканского Возрождения» и требовалось только могущественный меценат, новый Лоренцо Медичи. Им оказался просвещенный консерватор, писатель и философ, министр народного образования Хосе Васконселос. Правда, Васконселос возлагал надежды не на революцию, а на просвещение. Взгляды новых мунументалистов представлялись ему примитивными, потакающими вкусу черни. Тем не менее министр отдал бунтарям стены государственных зданий.

О первых своих фресках (муралях) Сикейрос вспоминает с неодобрением: они изображали слиш-

ком популяйская — птицы, повторяющей чужие слова. Цвета тоже очень простые, даже кричащие — цвета пламени и крови...

Десятой доли этих вывертов в обожаемом им Советском Союзе хватило бы, чтобы попасть в формалисты. С 1933 года Сикейрос чаще пользовался пистолетом-пульверизатором, чем кистью; даже полюбившиеся ему краски носили взрывчатое название — пироксин. Но самые пламенные борцы за социализм строили мир, в котором таким, как он, не было места. Маяковский испытал это в полной мере, а Сикейрос — лишь в очень небольшой. Однажды, правда, ЦК потребовал от него развестись с одной из его жен — уругвайской поэтессой Бланкой Рус Брум из-за ее неправильных политических взглядов. Он должен был пробираться к собственной жене и ребенку по ночам. Но верность идеалам была для него важнее подобных индивидуалистических мелочей.

В СССР из «великой тройки» — Ороско, Ривера, Сикейрос — особенно пропагандировали именно Сикейроса. В 1967-м — за год до вторжения в Чехословакию — он был награжден Международной Ленинской премией как борец за мир. Однако, окидывая взглядом его путь, испытываешь горечь: столько огня и таланта было отдано химере. Но, может быть, прошло еще слишком мало времени. Когда марксистская фразеология перестанет вызывать столь острое отвращение, тогда, быть может, в творчестве Сикейроса отчетливее проступит то, чего он всю жизнь избегал и ненавидел, — просто искусство.